

Николай Брешко-Брешковский

Красные каблучки Тэффи

Николай Николаевич Брешко- Брешковский

Красные каблучки Тэффи

«Недавно мы посвятили очерк весьма колоритной фигуре А. В. Руманова.

Около 30 лет тому назад он «эпатировал» петербургские салоны «филигранным Христом».

Позже Руманов в тех же салонах ронял своим мягким, рокошущим почти баритоном:

– Тэффи кроткая... Она кроткая, – Тэффи...

И ей он говорил:

– Тэффи, вы кроткая...»

**Николай Брешко-
Брешковский
Красные каблучки Тэффи**

Недавно мы посвятили очерк весьма колоритной фигуре А. В. Руманова.

Около 30 лет тому назад он «эпатировал» петербургские салоны «филигранным Христом».

Позже Руманов в тех же салонах ронял своим мягким, рокочущим почти баритоном:

– Тэффи кроткая... Она кроткая, – Тэффи...

И ей он говорил:

– Тэффи, вы кроткая.

На северных небесах Невской столицы уже сияла звезда талантливой поэтессы, фельетонистки и, – теперь это будет откровением для многих, – автора очаровательных нежных и совершенна самобытных песенок.

Тэффи сама исполняла их небольшим, но приятным голоском под аккомпанементом своей же гитары.

Так и видишь ее – Тэффи...

Запахнувшись в теплый отороченный мехом уютный халатик, уютно поджав ноги, сидит она с гитарой на коленях в глубоком кресле у камина, бросающего теплые, трепетные отсветы...

Умные серые кошачьи глаза смотрят не

мигая в пышущее пламя камина и звенит гитара:

*Грызутся злые кошки
У злых людей в сердцах
Мои танцуют ножки
На красных каблучках...*

Тэффи любила красные туфельки.

Она уже печаталась. О ней говорили. Ее сотрудничества искали.

Опять Руманов, остриженный бобровым ежиком.

На кавказских минеральных водах он создавал большую курортную газету и привлекал лучшая петербургские «силы».

Один из первых визитов – к ней, «кроткой Тэффи».

– Я приглашаю вас на два-три месяца в Ессентуки. Сколько?

И не дождавшись ответа, Руманов как-то незаметно и ловко веером положи на стол несколько новеньких кредиток с портретами Екатерины Великой.

– Это аванс!..

– Уберите его! Я люблю радугу на небе, а не на своем письменном столе – последовал от-

вет.

Руманов не растерялся. Он как фокусник мгновенно извлек откуда-то тяжелый замшевый мешочек и высыпал на стол звенящую, сверкающую струю золотых монет.

Надежда Александровна задумчиво пересыпала монеты эти сквозь пальцы, как ребенок, играющий с песком.

Через несколько дней она уехала в Эссен-туки и там сразу подняла тираж курортной газеты.

Это было давно, очень давно, а все таки было...

Время кладет печать – говорят.

И время и печать на редкость снисходительны к Тэффи. Здесь в Париже она почти та-же, какой была с гитарой у камина в красных туфельках и в отороченном мехом халатике.

А умные глаза с кошачьей серой желтизной и в кошачьей оправе – совсем те же самые.

Беседуем о текущей политике:

– Что вы скажете, Надежда Александровна, о «Лиге Нации», о принятии ею в свое лоно

Советской России, вернее советского правительства?

Сначала улыбка, потом две ямочки возле углов рта. Давным давно знакомые ямочки, воскресившие Петербург...

– Что я могу сказать? Я не политик, а юморист. Одно разве: Уж больно ироническое у всех отношение к «Лиге Нации», а следовательно, какая цена тому, признает она кого-нибудь, или не признает. И, право, ничего не изменилось и не изменится от того, что она украсила своими лаврами литвиновскую плешь с его, Литвинова, не совсем «римским профилем». Фарс, пусть трагикомический, но все же фарс...

Покончив с Лигой Нации и Литвиновым, переходим к объявленной большевиками амнистии.

– Точно-ли она объявлена ими? – усумнилась Тэффи? – Большевики, по крайней мере, хранят по сему предмету молчание. Мне кажется эта амнистия подобна миражу в пустыне. Да, да, изверившаяся, измученная эмиграция, пожалуй, сама выдумала эту амнистию и хватается за нее... Говорят же мусульмане:

«утопающий готов и за змею ухватиться».

– Что вы скажете о современной Германии?

– А вот что скажу: Был у меня рассказ «Демоническая женщина». Ему повезло. В Польше вышел сборник моих вещей под этим общим заглавием. На немецком языке тоже напечатана была «Демоническая женщина». И вот узнаю: какой-то развязный молодой немец возьми и помести этот рассказ под своим собственным именем. Я привыкла, что меня перепечатывали без гонорара, но не привыкла, чтобы под моими рассказами ставилось чужое имя. Друзья посоветовали призвать молодого, многообещающего плагиатора к порядку. Они же посоветовали обратиться к проф. Лютеру... Кажется, в Лейпцигском университете он занимает кафедру... Кафедру – сейчас вам скажу чего. Да, славянской литературы. Написала ему больше для того, чтобы успокоить своих друзей.

К великому удивленно, профессор Лютер откликнулся. Да как! С какой горячностью! Возникло целое дело. Разыскал многообещающего молодого человека, намылил хорошень-

ко ему голову, пригрозил: еще что-нибудь подобное, и в пределах Германии никто никогда не напечатает ни одной его строки. Гонорар за «Демоническую женщину» присужден был в мою пользу. Молодой человек написал мне покаянное письмо на нескольких страницах. Мало этого, за него же еще извинялся передо мной сам почтенный профессор Лютер. Извинялась корпорация немецких писателей и журналистов. В конце концов самой совестно стало, зачем заварила эту кашу?...

А теперь, покончив с Германией, два слова о перепечатках, вообще. Большая русская газета в Нью-Йорке повадилась «украшать» свои подвалы моими фельетонами из «Возрождения». Я обратилась о защите моих авторских прав к канадскому обществу русских журналистов. Спасибо им, занялись мною, но толку из этого – никакого! В ответ на угрозы привлечь к суду, упомянутая газета продолжает пользоваться моими фельетонами и количество перепечатанных рассказов достигло внушительной цифры 33. Увы, мои симпатичные канадские коллеги не обладают авторитетом трогательнейшего и всеильно-

го профессора Лютера.

Я так и знала! Ни одно «настоящее» интервью без этого не обходится. Над чем я работаю? Скажу откровенно, не утаивая, – пишу эмигрантский роман, где хотя и под псевдонимами, но весьма прозрачно, вывожу целую фалангу живых людей, столпов эмиграции самых разнообразных профессий и общественных положений. Пощажу-ли я моих друзей? Может быть да, может быть нет. Не знаю. Нечто подобное было когда-то я с Шатобрианом. Он тоже объявил выход в свет такого же портретного романа. Всполошившиеся друзья тотчас-же сорганизовались в общество, целью которого было создать денежный фонд имени Шатобриана. Нечто вроде умиловляющей жертвы грозному, карающему божееству... Ничего не имела бы против, – добавляет с улыбкой Тэффи – и я – ровно ничего – против подобного дружественного фонда в пользу меня, грешной. Однако, не пора-ли кончать? Боюсь, что займу своей особой много места в журнале «Для Вас»!

Получится, чего-доброего, уже не «Для Вас», а «Для меня». Так что-же еще? Одолевают ме-

ня начинающие авторы. Отовсюду свои произведения шлют с просьбой напечатать. А дабы просьба была действительной, посвящают все свои рассказы мне. Думают, восхищенная таким вниманием Тэффи немедленно помчится в соответствующие редакции и с браунингом в руке заставить печатать молодых авторов, хотя-бы в предвкушении опубликования лестных посвящений. Пользуясь случаем, оповещаю всех моих пылких корреспондентов, что я, ну, вот несколько не тщеславна! Попадаются, правда, и не плохие рассказы, но чаще всего моя молодежь пишет о том, чего не знает. А что знает, про то молчит. Например, автор из Марокко прислал мне рассказ... О ком бы вы думали? Об эскимосах! Я в эскимосском житье-бытье хоть и не особенно маракую, однако, сразу учуяла, что-то неладное.

От начинающих писателей переходим к нашим парижским профессионалам.

– Скажите, – спрашиваю – Надежда Александровна, чем объяснить такую грызню среди нашего брата? Казалось бы, одинаково обездоленного? Почему?

*Грызутся злые кошки
У злых людей, в сердцах...*

– Какая у вас память! – изумилась Тэффи и в кошачьих глазах вспыхнули искорки. – Почему? Измучились все, сил больше нет терпеть...

– Но когда-же перестанут, однако?

– Успокойтесь, – ободряюще кивнула Тэффи устанут и тогда перестанут.

– А вы не устали жить?

– Нет, жизнь так прекрасна, что далее страдания и те – в радость. Сейчас я уже вместо вас, закончу куплет:

*Мои танцуют ножки
На красных каблучках...*

И вновь в кошачьих глазах вспыхнули погасли искорки и обозначились возле углов рта ямочки...

Н. Суражский.